

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЬЮИС СИНКЛЕР

1885-1951

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

Льюис Синклер

ЭРОУСМИТ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Перевод Надежды Вольпин

Синклер, Л.

Эроусмит. [Роман]. / Льюис Синклер. Перевод с англ. Н. Д. Вольпин. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022. — 640 с.

ISBN 978-5-521-74751-1

В романе американского писателя, лауреата Нобелевской премии, мастера и знатока психологии «среднего американца» Льюиса Синклера «Эроусмит» — молодой врач-идеалист Мартин Эроусмит после окончания медицинского института мечтает посвятить себя работе на благо людей. Роман рассказывает о медицине и людях в ней — грубовато-честных, презирующих деньги и титулы, «верящих в лабораторный анализ больше, чем в догмы и лозунги» и открывающих новые средства и вакцины в борьбе с эпидемиями. Наравне с романом «Бэббит» история и судьба молодого врача-ученого Эроусмита признана лучшим произведением Льюиса Синклера как образец психологического романа на тему «человек и его дело».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-521-74751-1

© Перевод. Н. Д. Вольпин, наследники, 2022

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

Я в долгу перед доктором Полем А. де Крюи не только за бóльшую часть бактериологического и медицинского материала для этой книги, но и за помощь в разработке самой фабулы, за то, что в каждом персонаже романа он видел живого человека, за его философию ученого. Этим признанием я хочу помянуть месяцы нашей близости во время работы над книгой — в Соединенных Штатах, в Вест-Индии, в Панаме, в Лондоне, в Фонтенбло. Хотелось бы мне воспроизвести наши разговоры в пути, и дни в лабораториях, и ночные рестораны, и палубу на рассвете, когда мы входили в тропические гавани.

Синклер Льюис

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В фургоне, пробиравшемся через леса и болота пустынного Огайо, сидела за возницу девочка лет четырнадцати в рваном платье. Ее мать похоронили близ Мононгахилы — девочка сама обложила дерном могильный холмик на берегу реки с красивым названием. Отец лежал в лихорадке на полу фургона, а вокруг него играли ее братья и сестры, чумазные ребятишки в отрепьях — веселые ребятишки.

У развилка, посреди заросшей травой дороги, девочка остановила фургон, и больной прерывающимся голосом проговорил:

— Эмми, ты бы лучше свернула на Цинциннати. Если нам удастся разыскать дядю Эда, он, я думаю, примет нас к себе.

— Никто не захочет нас принять, — сказала девочка. — Поедем прямо вперед, куда можем. На запад! И я увижу много нового!

Она сварила ужин, уложила детей спать и долго сидела одна у костра.

Это была прабабка Мартина Эроусмита.

2

Во врачебном кресле в кабинете дока Викерсона, закинув ногу на ногу, пристроился мальчик и читал «Анатомию» Грея. Звали его Мартин Эроусмит из Элк-Милза в штате Уиннемак.

В Элк-Милзе (тогда, в 1897 году, это была неприглядная деревушка с домами красного кирпича, пахнувшая яблоками) уверяли, что раздвижное коричневой кожи кресло, на котором док Викерсон производил мелкие операции и дергал изредка зубы, а чаще подремывал, начало свое существование в цирюльне. Держалось также поверье, что некогда его владелец прозывался доктором Викерсоном, но с годами он превратился просто в «дока», и был он еще обшарпанней и куда упрямей своего раздвижного кресла.

Мартин был сыном Дж.-Дж. Эроусмита, который служил управляющим в «Нью-Йоркской Распродаже Готового Платья». Из чистого задора и упрямства мальчик сделался в четырнадцать лет неофициальным и, разумеется, бесплатным ассистентом дока; когда док объезжал больных по окрестностям, он его заменял — хотя, в чем нужно было заменять дока, никто не мог бы объяснить. Мартин был стройный мальчик, не очень высокий; волосы и беспокойные глаза были у него черные, а кожа необычайно белая, и этот контраст, казалось, говорил о страстном непостоянстве. Все же благодаря квадратной голове и изрядно широким плечам он не выглядел женственным; не было в нем и той раздражительной робости, которую молодые джентльмены артистического склада именуют щепетильностью. Когда он, слушая, вскидывал голову, правая бровь его, лежавшая немного выше левой, поднималась и подергивалась в характерном для него выражении, энергическом и независимом, — и тогда видно было, что мальчик умеет постоять за

себя, и обнаруживалась та дерзкая пытливость, за которую его недолюбливали учителя и директор воскресной школы.

Мартин, как большинство обитателей Элк-Милза до славяно-итальянской иммиграции, был типичным чистокровным американским англосаксом — иными словами, в его жилах текла германская и французская кровь, шотландская, ирландская, немного, может быть, испанской, вероятно в некоторой дозе и та смесь, что зовется еврейской кровью, и в большой дозе — английская, которая, в свою очередь, представляет собой соединение древнебританского, кельтского, финикийского, романского, германского, датского и шведского начал.

Нельзя с уверенностью утверждать, что, когда Мартин пошел в помощники к доку Викерсону, им безраздельно руководило высокое желание сделаться Великим Целителем. Правда, он внушал трепет своим ровесникам, когда перевязывал им ссадины или анатомировал белок и при этом разъяснял, какие поразительные и таинственные вещи кроются в физиологии; и в то же время он не был вполне свободен от тщеславного стремления стяжать среди товарищей славу, какая озаряла сына епископального священника, мальчика, который выкуривал целую сигару, не испытывая тошноты. Но сегодня он усердно читал главу о лимфатической системе, выговаривая вслух длинные и совершенно непонятные слова, и от его бормотания в пыльной комнате еще больше клонило ко сну.

Комната была средняя из трех, занимаемых доком Викерсоном, окнами на Главную улицу, прямо над «Нью-Йоркской Распродажей Готового Платья». По одну сторону от нее была затхлая приемная, по другую — спальня Викерсона. Док был старый вдовец; он нисколько не заботился о том, что презрительно называл «женским уютом»; в его спальне, где стояла шаткая шифоньерка и прикрытая грязными одеялами походная кровать, никто не прибирал, кроме Мартина — в тех ред-

ких случаях, когда на мальчика находили приступы санитарного рвения.

Эта средняя комната, служила одновременно конторой, врачебным кабинетом, операционной, гостиной, местом для игры в покер и складом охотничьих и рыболовных принадлежностей. У бурой оштукатуренной стены стоял стеклянный шкаф с зоологической коллекцией и медицинскими диковинами, а рядом — самый страшный и самый приманчивый предмет, какой только знали элк-милзские мальчишки: скелет с одиноким золотым зубом в оскале. По вечерам, когда док бывал в отлучке, Мартин для укрепления своего престижа приводил притихших мальчишек в жуткую темноту комнаты и чиркал серной спичкой о челюсть скелета.

На стене висело чучело щуки, собственноручно изготовленное доком и укрепленное на самодельной отполированной доске. Рядом со ржавой печуркой на захарканном, протертом до основы линолеуме стояла плевательница — просто ящик с опилками. На ветхом столе лежала груда памятных записей о долгах, которые док постоянно клялся «собрать, наконец, с этих прощелыг», но которые он никогда, ни при каких обстоятельствах не взыскал бы ни с одного должника. Из года в год... из десятилетия в десятилетие... из века в век — ничто не менялось для работяги-врача в хлопотливом, как пчелиный улей, городишке.

Самый антисанитарный угол был занят чугунной раковиной, которой чаще пользовались для мытья перемазанных яйцом тарелок после завтрака, чем для стерилизации инструментов. По ее краям разложены были разбитая пробирка, сломанный рыболовный крючок, пузырек без ярлыка с какими-то пилюлями, неизвестно какими, ошетилившийся гвоздями каблук, изжеванный окуроч сигары и воткнутый в картофелину ржавый ланцет.

Эта неприбранная запущенная комната выражала душу дока Викерсона, была ее символом: она волновала сильнее, чем безличные стопки башмачных коробок в «Нью-Йоркской Распродаже»; она манила Мартина Эроусмита на исследования и приключения.

3

Мальчик вскинул голову, поднял пытлившую бровь. На лестнице слышны были тяжелые шаги дока Викерсона. Док не пьян! Мартину не придется укладывать его в постель.

Но было недобрым признаком, что док прошел сперва через прихожую в спальню. Мальчик стал вслушиваться и услышал, как док отворил нижний шкафчик в умывальнике, где держал бутылку ямайского рома. Забулькало; затем невидимый доктор поставил бутылку на место и решительно захлопнул ногою дверцу. Пока не страшно. Только раз приложился к бутылке. Если теперь он пройдет сразу в кабинет, все обойдется благополучно. Но док все еще стоял в спальне. Мартин вздохнул, когда дверца умывальника снова поспешно отворилась, и снова послышалось бульканье, потом в третий раз.

Поступь дока была много бодрее, когда он ввалился в кабинет серой тушей с серой щеткой усов — огромный, нереальный и неопределенный, точно облако, на миг принявшее сходство с человеком. Сразу кидаясь в атаку — обычный прием у того, кто желает предотвратить разговор о своей провинности, — док подошел к письменному столу и загремел:

— Что вы тут делаете, молодой человек! Что вы тут делаете? Так и знал, что кошка что-нибудь притащит, если я не запру дверь. — Он негромко икнул; улыбнулся, чтобы показать, что шутит, а то люди не всегда умеют распознать, в каком настроении док.